

— Всё именно так. Душой я — Лу Энь, но это тело принадлежит Фэн Юэлю. Верховный бог объяснил, что эта оболочка изначально предназначалась для меня, просто я попал в этот мир, когда телу исполнилось восемнадцать. Поэтому поначалу я действительно ничего не понимал.

На следующий день, благодаря исцеляющей силе Водных талисманов, Лу Эню стало значительно лучше, и он решил всё объяснить Фэн Лэйяню. Поверит тот или нет — неважно, главное — высказаться. С характером Лэйяня любая недосказанность лишь порождала бы подозрения и холод, которые рано или поздно завели бы их отношения в тупик.

Фэн Лэйянь долго молчал, переваривая услышанное, прежде чем спросил:

— Кто ещё об этом знает?

— Я никому не говорил. Насчёт Лэн Циннин не уверен — она слишком проницательна. Раз уж она смогла вычислить по звёздам моё появление в этом мире, то наверняка догадывается о деталях.

— Возвращение души в чужое тело... — Лэйянь задумчиво коснулся подбородка. — Подобное случается крайне редко. По закону, если такое обнаружится, виновного ждёт костёр. Хорошо, что ты по-настоящему близок лишь со старшим братом и сестрой. Пока они ничего не заподозрили, ты в безопасности.

— Ты... веришь мне? — Лу Энь затаил дыхание, сердце его учащённо забилося.

В ответ раздалось лишь знакомое холодное хмыканье.

Лу Энь просиял. Вот он, его привычный «ледяной князь»! Как же он соскучился по этому высокомерному фырканию. Впрочем, стоило тут же одернуть себя — он же не мазохист, чтобы радоваться чужой холодности.

На душе стало легко, словно камень свалился. Радостно улыбнувшись, он произнёс:

— Наконец-то я могу быть рядом с тобой. Это так чудесно! Теперь я сам буду следить за твоим распорядком. Никакого произвола — я не позволю тебе доводить себя до такого изнеможения.

Фэн Лэйянь иронично приподнял бровь:

— Для начала присмотри за собой. Я — регент, и груз государственных дел для меня естественен.

— И всё же нельзя так пренебрегать здоровьем! Сколько раз я тебя видел — ты работаешь до глубокой ночи, а на сон остаётся от силы два часа. Этого слишком мало.

Лэйянь, уже знакомый с «теорией долголетия» своего подопечного, поспешил пресечь поток наставлений. Похлопав Лу Эня по голове, он мягко произнёс:

— Хорошо, я понял. Постараюсь больше не заставлять «заботливого Лу Эня» так сильно переживать.

«Кто это тут заботливый?! И не смей обращаться со мной как с девицей!» Лу Энь от возмущения слишком резко вдохнул и зашелся в кашле.

— Хорошо-хорошо, я был неправ, — Лэйянь поспешно принялся поглаживать его по спине, помогая восстановить дыхание, и подал чашку чая. — Тебе нельзя волноваться, пока раны не зажили.

Лу Энь бросил на него сердитый взгляд, но обида быстро угасла.

— Ладно, забудь. Меня больше беспокоит погоня из Фэйюнь. Будь осторожен.

— Это не Фэйюнь. Это Бай По.

«Так и знал», — подумал Лу Энь. Впрочем, глупо было ожидать меньшего от регента Фэнтянь — Лэйянь уже успел найти след.

— Почему Бай По так одержим моим устранением? Только потому, что я принадлежу к правящей династии Фэн? Не думал, что Е — его человек, а не Бай Цзинчэня.

— В этом мире ещё много того, чего ты не можешь себе представить. Со временем ты всё узнаешь. — Голос Лэйяня стал глубже. История Фэнтянь хранила слишком много грязи и тайн под золочеными страницами летописей; чем больше узнаешь, тем сильнее разочаровываешься в королевской крови.

— И ты туда же... Вечно вы с Цуйфэном напускаете туману, лишь бы подразнить моё любопытство, — Лу Энь недовольно надул губы.

— Сейчас твоя единственная задача — поправиться. Я уже отдал приказ готовиться к отъезду, завтра мы выдвигаемся в Яньюй. Насчёт государства Цяо не беспокойся. Хотя от твоего эскорта осталось всего человек пятнадцать, сам факт нападения неоспорим. Цяо придётся держать ответ. К тому же у нас уже есть зацепки насчёт наёмников. В фэйюньском Динчжоу пять дней назад произошло сильное землетрясение, сейчас им не до поисков беглецов. Оуян Фэй уже везёт моё послание к правителю Цяо, так что конфликт скоро будет улажен.

«Из двухсот человек осталось лишь пятнадцать?!»

Лу Энь застыл, поражённый масштабом резни. Если бы он не сбежал раньше, его бы точно не было в живых.

— Ваше Высочество, — раздался голос из-за двери, — заклинатель Синхэнь просит аудиенции.

— Пусть войдёт. — Взгляд Фэн Лэйяня мгновенно стал властным и строгим.

В комнату плавной, исполненной изящества походкой вошёл мужчина в белых одеждах, расшитых орхидеями. С поклоном он произнёс:

— Ничтожный Синхэнь приветствует князя-регента и Второго принца.

«Ого! Какой красавец!» — Лу Энь невольно залюбовался гостем.

— Встань, — бросил Лэйянь. — Что-то случилось?

— Срочное донесение из столицы, прошу ознакомиться.

Лэйянь взял письмо и быстро пробежал его глазами. В его фиолетовых глазах вспыхнула жажда крови.

— Я понял. Выбери десять монахов-заклинателей, они отправятся со мной в столицу.

Синхэнь заметно воодушевился:

— Тогда и я тоже...

— Нет. Ты останешься наблюдать за Цинчжоу. Нельзя допустить, чтобы люди из Фэйюнь или Цай просочились на нашу территорию.

— Слушаюсь... — Синхэнь опустил голову, пытаясь скрыть горечь. Столько лет прошло, а он всё ещё не дождался и тени взаимности. Князь-регент ни во что не ставил ту случайную ночь страсти, и лишь Синхэнь продолжал мучительно надеяться.

Сжигая письмо, Фэн Лэйянь заметил, что Лу Энь всё ещё пялится на Синхэня. Он недовольно нахмурился, шагнул вперёд, перекрывая обзор, и резко склонился.

— А, ты что де... м-м-м! — Лу Энь не успел договорить — тяжёлая тень накрыла его, и властный

поцелуй бесцеремонно прервал все возражения.

«Эй! Здесь же люди!» — Лу Энь смутился и в гневе попытался оттолкнуть Лэйяня, но его удары для того были не сильнее комариных укусов.

Пока двое предавались страсти прямо на глазах у всех, стражники и молодые монахи, привыкшие к воздержанию, густо покраснели и отвели взгляды.

Лэйянь крепко сжал затылок Лу Эня, углубляя поцелуй. Он жадно исследовал его рот, словно стремясь оставить свой след в каждом уголке, подчиняя себе его дыхание. Поцелуи Лэйяня всегда были такими — сокрушительными и собственническими. Очень скоро Лу Энь обмяк, не в силах сопротивляться волнам нахлынувшего желания.

— М-м... Лэйянь... — вырвался слабый стон.

Синхэнь смотрел на это, не в силах поверить своим глазам. Неужели это тот самый холодный князь? Этот охваченный ревностью мужчина — Фэн Лэйянь? Почему его так заботит этот невзрачный юноша? Что в нём особенного?

Наконец оторвавшись от желанных губ, Лэйянь, подобно сытому коту, довольно похлопал по щеке Лу Эня. Тот тяжело дышал, а его кожа окрасилась в нежно-розовый цвет.

— Пока я тебя отпускаю, — прошептал Лэйянь прямо в ухо, обжигая горячим дыханием. — Но когда поправишься, тебе придётся меня удовлетворить.

Сознание Лу Эня, едва начавшее проясняться, вновь помутилось от стыда. Этот человек... Мало того, что опозорил его на глазах у всех, так ещё и смеет говорить такое! Негодяй!

— Не смей смотреть на других. Ты принадлежишь мне. — Лэйянь многозначительно коснулся ключицы юноши загрубевшими от меча пальцами.

«Так эта метка в виде трилистника — дело рук этого тирана!» — Лу Энь закатил глаза. Стоило пару лишних секунд посмотреть на красавца, как этот ревнивец тут же бросился заявлять свои права. Впрочем... Лу Эню это даже нравилось. Это значило, что Лэйянь действительно им дорожит.

Послеобеденное оживление сменилось усталостью. Фэн Лэйянь велел никому не беспокоить Лу Эня. Тот проспал ещё двое суток. Хотя тяжёлые внутренние повреждения казались фатальными, постоянное воздействие Водных талисманов ускоряло регенерацию в три раза. Однако за быстрым исцелением плоти не поспевал дух — разбалансировка между физическим и ментальным восстановлением вызывала сонливость.

Проснулся Лу Энь уже под мерный скрип колес и шорох мягких подушек.

— Ваше Высочество, вы очнулись. Как вы себя чувствуете? — стоило ему открыть глаза, как он увидел улыбающуюся девушку в ярко-желтом платье. — Меня зовут Чуньин, а это Чуньтао. Князь-регент велел нам прислуживать вам.

Рядом стояла вторая девушка в нежно-зеленом наряде. От неё веяло спокойствием и мягкостью. Она поднесла небольшой поднос с угощениями.

— Вы спали два дня и, должно быть, проголодались. Отведайте лепешек с лепестками гибискуса.

Её голос был подобен весеннему ветерку. После еды силы начали возвращаться.

— Где мы сейчас?

— Мы покинули Цинчжоу и вчера въехали в Ичжоу. Через десять дней прибудем в Чэнчжоу.

Чэнчжоу — столичная область Фэнтянь.

— А где Фэн Лэйянь?

При упоминании имени служанки испугались.

— Князь-регент снаружи... Ваше Высочество, нельзя называть его по имени. Это опасно.

Лу Энь лишь пожал плечами. Он называл его так уже давно, и тот ни разу не рассердился. Видя их испуг, он просто молча кивнул.

— Проснулся? — полог кареты откинулся. Фэн Лэйянь, ехавший верхом рядом, заглянул внутрь. Убедившись, что Лу Энь в порядке, он сухо бросил служанкам: — Служите усердно. Если что-то случится — ответите головой.

Девушки в ужасе поклонились. В этот момент к карете подскочил Лэйху.

— Ваше Высочество, впереди город Чэндинь. Но на главной дороге под горой Лишань, говорят, рыщут разбойники. Прикажете ехать в обход?

Официально их сопровождало двадцать гвардейцев, переодетых слугами, сам Лэйянь выдавал себя за купца, а в тени скрывалась сотня тайных стражей. И всё же лишний риск был ни к чему.

— Разбойники? Откуда? — Лэйянь нахмурился. — Я не припомню, чтобы на этих землях кто-то

смел грабить караваны. Чем занимается губернатор Ичжоу? Давно это началось?

— Говорят, уже около года. Купцов грабят регулярно, но губернатор смотрит на это сквозь пальцы. Донесений в столицу не поступало.

Гнев закипел в груди Лэйяня. Разбойничий произвол — главный враг торговли и спокойствия народа. Губернатор Ичжоу, Дунфан Сюаньюй, занимал свой пост больше десяти лет; он считался человеком осторожным и даже косным, но его род Дунфан был слишком влиятельным в Фэнтянь, чтобы действовать сгоряча. Нужно во всём разобраться.

— Едем через гору. Возвращение в Янчэн в приоритете.

«Разбойники?» — Лу Энь оживился. Этот мир во многом напоминал Фемлию или древний Китай. Неужели сейчас выскочат бородатые мужики с криками: «Эту дорогу проложил я, это дерево посадил я, хочешь пройти — плати золотом!»? Было бы забавно на это посмотреть.

К сожалению, надежды не оправдались. Они благополучно добрались до города Чэндинь, не встретив даже тени грабителя. Лу Энь был разочарован: разбойники упустили шанс обчистить самого богатого человека в стране, лишив его зрелищного представления.

Они остановились в гостинице. Было чуть за полдень, и Лу Энь, отоспавшись, наконец смог встать с постели. Лэйянь, зная его неумный характер, велел Лэйху сводить его погулять, чтобы тот посмотрел город. Сам он идти не рискнул.

Лу Энь понимал: Лэйянь не хотел привлекать лишнее внимание. До Дворца Бабочек они добирались глухими тропами, а сейчас ехали по оживленным трактам ради его комфорта. Лэйянь и так многим жертвовал, терпя косые взгляды из-за своих глаз, и эта молчаливая забота трогала сердце.

— Ладно, пройдемся. Чуньин, Чуньтао, собирайтесь.

Служанки обрадовались возможности сменить обстановку. Вскоре на улицах города появилась компания из четырех человек. Впереди шел юноша лет пятнадцати в белых шелках с вышивкой в виде зеленого бамбука. На поясе у него висел жетон из чистой черной яшмы в форме персика — символ долголетия. За ним следовали две милостивые девушки, а замыкал шествие рослый мужчина в простом платье, от которого веяло грозной силой воина.

Они выглядели как богатый молодой господин на прогулке. Лу Энь с интересом вертел головой, жуя сладости.

— Чэндинь... чем этот город знаменит?

— Благовониями и специями, господин.

— А ещё здесь удивительно вкусно готовят, — добавила Чуньтао с мягкой улыбкой. — Вкусная еда приносит счастье, так говорил мой отец.

— О, так ты умеешь готовить? Обязательно дай мне попробовать! — Лу Энь рассмеялся.

— Смотрите, господин! — Чуньин указала на роскошное здание. — Это ресторан Сицуй, знаменитый на весь Ичжоу. Говорят, сам позапрошлый император даровал ему звание «Первый вкус Фэнтянь». Обед там стоит не меньше пятидесяти лянов — целое состояние для простого люда. Но отбоя от знати нет.

Лу Энь сглотнул слюну. Раз уж выпал шанс — надо пробовать всё!

— Идемте, сегодня мы оценим этот «Первый вкус»!

В ресторане их встретили с поклонами. На втором этаже Лу Энь, обмахиваясь веером, вальяжно спросил официанта:

— Что у вас самое особенное?

— Серебряная оленья рыба в ледяном уксусе.

«Серебряная оленья рыба?!» — Лу Энь замер. В священных книгах этого мира упоминалось существо, похожее на драконью рыбу, но с маленькими оленьими рожками. Одно из «Трех великих благ, дарованных богами человечеству».

— Несите! Я о ней столько слышал!

Лэйянь дал ему тысячу лянов — видимо, предвидел такие траты. Лу Энь шепнул официанту, чтобы в конце трапезы приготовили еще одну порцию с собой в специальной коробке.

Вкус рыбы был неопишуем. Кожа — нежная и лишённая всякого запаха тины, мясо — сочное, тающее на языке. Охлажденные ломтики дарили удивительную свежесть в июльскую жару. Чешуя этой рыбы была ценным лекарством, внутренности содержали парализующий яд «Шама», а само мясо очищало организм от токсинов. За сто лянов это было поистине королевское угощение.

Вернувшись в гостиницу под вечер, Лу Энь застал Чуньин и Чуньтао в тревоге.

— Ваше Высочество, вы весь путь о чем-то думали. Что-то не так?

— Да нет... просто мысли. А где Лэйянь?

— У себя, просматривает отчеты.

— Тяжела доля регента, — вздохнул Лу Энь.

— Не то слово, — горячо подхватила Чуньин. — Без князя-регента Фэнтянь давно бы пришла в упадок. Он истинный герой. Скоро вы сами поймете, насколько он могущественен.

— Почему же тогда никто не смеет поднять на него глаз? — этот вопрос давно мучил Лу Эня. Хотя он догадывался, что причина в цвете глаз, ему хотелось знать детали.

Служанки застыли, они побледнели.

— Мы... мы не смеем обсуждать дела господ. Простите нас.

«Вышколенные», — подумал Лу Энь.

— Ладно, сам спрошу.

Девушки в ужасе рухнули на колени.

— Молим вас, не надо! Князь-регент ненавидит, когда об этом заговаривают. Не гневайте его! Пощадите нас!

Лу Энь поспешно помог им подняться.

— Тише, тише! Не пойду я, успокойтесь. Ну же, вытрите слезы.

В этот момент дверь открылась. На пороге стоял Фэн Лэйянь. Увидев Лу Эня, стоящего на коленях перед плачущими служанками, он нахмурился:

— Что здесь происходит?

Девушки мгновенно затихли, белые как полотно.

— А, Лэйянь, ты как раз вовремя! — Лу Энь поспешил разрядить обстановку. — Я как раз хотел отнести тебе рыбу. Чуньин, Чуньтао, вы свободны.

Служанки пулей вылетели из комнаты. Лэйянь подошел к Лу Эню, усадил его к себе на колени и властно обхватил за талию, перебирая пальцами его пояс.

— Так о чем вы говорили?

Лу Энь неловко примостился на его коленях, понимая, что вырваться не удастся.

— Спросил их об одной вещи, а они перепугались.

— И что же это за вещь?

Лу Энь заглянул в его фиолетовые глаза. Стоит ли спрашивать? Не станет ли это солью на рану? Ему не хотелось причинять боль этому человеку. История с «глазами демона», должно быть, оставила глубокий след в его душе.

— Почему ты молчишь? — Лэйянь всматривался в его черные глаза, которые казались ему прекраснее звезд. В них не было привычного лукавства, лишь странная, почти детская нежность и хрупкость. Глядя на эти приоткрытые губы и бледную кожу, Лэйянь чувствовал, как внутри закипает желание. Метка-трилистник, видневшаяся из-под воротника, лишь подливала масла в огонь.

Лу Энь почувствовал, как жар тела Лэйяня становится всё ощутимее.

— Послушай... моё тело еще не совсем... — пробормотал он, краснея до корней волос. Опыт прошлой жизни был лишь ментальным, в реальности он чувствовал себя полным профаном.

— Не двигайся. Я знаю, — выдохнул Лэйянь, прижимая его к себе. — Я ничего не сделаю. Просто дай мне тебя обнять.

Лу Энь затих, наслаждаясь теплом. В тишине комнаты он тихо запел:

«Ветер шепчет старую сказку,

Будто мы встречались когда-то.

Сердце бьётся, не зная опаски,

Узнавая тебя в закатах.

Не успев оглянуться — влюбился,

Хоть и страшно разрушить чьи-то мечты.

Этот путь нам обоим приснился —

Мир, в котором есть только мы...»

Мелодия, тягучая и немного печальная, заполнила пространство. В этой песне, которую Лу Энь слышал от приемного отца, говорилось о любви, что живет тысячи лет, о душах, ищущих друг друга сквозь века одиночества. Она идеально отражала их судьбу.

Лэйянь замер. В его сознании вдруг всплыли обрывки странных видений: белый купол, высокая башня, уходящий вдаль силуэт... Что это? Память? Галлюцинация? От этого чувства веяло бесконечной тоской и одновременно — чем-то родным.

— Лэйянь? — Лу Энь заметил его замешательство.

— Ничего... — Лэйянь тряхнул головой, прогоняя наваждение. — Красивая песня.

— Мне она тоже очень нравится. — Лу Энь улыбнулся. Он не стал рассказывать о прошлой жизни или о крылатом боге, понимая, что сейчас важен лишь этот момент.

— Ой! Рыба! — он соскочил с колен Лэйяня. — Я специально велел приготовить её для тебя. Попробуй, пока лед не растаял. Это невероятно вкусно!

Лэйянь улыбнулся и взял палочки. Отрезав кусочек, он первым делом поднес его к губам Лу Эня.

— Давай и ты тоже. А теперь — твоя очередь, открывай рот!

<http://bllate.org/book/17476/1695491>